

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 68 (4193)

Четверг, 9 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

АРХИТЕКТОР, ДОМ И МЫ

ЭТО НАЙДЕНО

Если встать на Хорошевском шоссе у Мневнико сплю на Серебряном бору, то глазами представится необыкновенно зрелище будущей улицы. Это не только будущая улица, но и улица будущего. Она совсем не похожа на остальные московские. По сравнению с ними в ней много простора, ваш взгляд не упирается в сплошную городскую застройку, а небо вы видите только у себя над головой, но и между домами. Это потому, что все они повернуты торцами к улице.

По обе стороны шоссе под газоны оставлены широкие полосы земли. За ними идут тротуары, и на расстоянии примерно половины автобусной остановки друг от друга стоят двухэтажные магазины. В отличие от домов, они своими сплошь стеклянными фасадами смотрят на улицу. Одни уже совсем готовы, и даже издали в нем чувствуется кипучая жизнь.

За магазинами начинаются линии пятиэтажных домов, слева — крупноблочных, справа — панельных, конструкции П. Лагутенко. Лагутенковские дома охотно на книги в пестрых клетчатых блоках, поставленные на обрешеченных стенах. Клетчатые они потому, что панель размером «на коммуну» стала их архитектурным лейтмотивом. И сразу же как только вы увидите эти квадратные панели цвета молочных сливок, а среди них в шахматном порядке розовые панели и голубые, непременно вписанные в прямоугольные фасады домов, а по торцам их яркос-красные, оаимленные белыми ленточками, — когда вы увидите такие дома, стоящие один за другим, один за другим освещенные солнцем, заходящим где-то в Серебряном бору, за вашей спиной, у вас сразу станет весело на душе.

Весело потому, что красочно, и потому еще, что удовлетворяется ваше чувство современности. Поглядев на эти дома, на эту улицу в Мневниках, вы скажете себе: «Ну да, таким оно и должно было стать. И превосходно, что уже стало».

Между тем это, казалось бы, естественное продвижение архитектуры вперед далось нашим отечественным зодчим далеко не сразу. Еще совсем недавно они не чаяли, что им удастся найти, не говоря уже о красоте, хотя бы просто приличный облик квартала, составленного из экономических стандартных домов. И вот нашли. Безусловно наши!

Фасады крупнопанельных домов... Панорамы новых районов Москвы... Почему, собственно, я занялся внешней стороной дела? Прошло то время, когда все в доме, его план, вся организация быта в нем подчинялись фасаду, за счет уродливой планировки многих квартир и мук тех жильцов, чья жизнь оказалась вписанной в какую-нибудь архитектурную деталь дома. Огромному развороту жилищного строительства предшествовал сокрушительный удар по парадной архитектуре, по тому архитектурному стилю, который зло, но не без основания называли советским ампиром.

Впрочем, сейчас, когда главной «архитектурной деталью» дома стал человек и на фасаде архитектору оставлено право высказаться лишь окнами, в которые эта «деталь» будет смотреть, и балконы, где «деталь» будет дышать свежим воздухом, может быть, именно сейчас и следует начать всерьез говорить о

А. СМЕРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ

фасада? Даже если это и так, я все же перейду к тому, что нас всех волнует и интересует значительно больше.

ЕЩЕ И ЕЩЕ О СЛАВЯНСКИХ ШКАФАХ

Не так давно у нас гостил премьер-министр Новой Зеландии Уолтер Нэш. В одной из речей он, между прочим, сказал: «Жилищная проблема существует во всем мире. Она существует во всех странах, и нет нигде в мире такой страны, где бы все люди были обеспечены такими жилищами, каких они требуют». Да, это верно. И у нас сейчас жилищная выдана, так сказать, по карточкам и строго нормируется. Вероятно, в 1975 году норма полинется до одной комнаты на человека, но пока что «выдается» меньше, чем по полкомнаты.

Мало, но если ты будешь владеть всей квартирой и сможешь переодеться в особую гардеробную, не засчитывая тебе в норму, пообедать в кухне и покурить в коридоре, которые тоже в счет, то получится уже не очень плохо. Именно так и поступает ныне, когда мы перешли на строительство так называемых малогабаритных квартир для семейного заселения.

Что бы там ни говорили ныне, в малогабаритных квартирах счастливы все, кому для полного счастья не хватало хорошей и, самое главное, отдельной квартиры. Я общел новые кварталы Мневников. Филей—Мазилова, побывав в других районах Москвы и всюду встречал довольных новоселов.

В подавляющем большинстве это были люди, пережившие из тесных коммунальных квартир, из ветхих домов, лишённых всяких удобств, деревянных, давно прогнивших остатков старой «белокаменной» Москвы, из бараков времен первых пятилеток, построенных на два-три года и простоявших двести-триста лет, и даже из отдельных этажей, самостоятельных заселенных в последние военные годы и первые послевоенные. Многие из этих людей вообще никогда не жили в отдельных квартирах и теперь с завидным наслаждением пользуются преимуществами такой жизни.

Но, может быть, малогабаритные квартиры хороши только в сравнении с коммунальными квартирами и бараками?

Некоторые уверяют, что они слишком тесны. Но понятие «теснота» нельзя считать свойством самой квартиры, все зависит от того, как ее заселить и, между прочим, как в ней жить.

Вот, например, двухкомнатная квартира. В ней, помимо большого встроенного шкафа в первой комнате, во второй есть еще и «гардеробная», то есть маленькая комнатка с полками и вешалками для одежды, где можно разместить все приданое царши Савской. К чему же тащить в такую квартиру бабушкин комод и шкаф фасона «Гей, славяне», осмеянный тридцать лет назад Ильфом и Петровым, но до сих пор, увы, не снятый с производства мебельных фабрик? Казалось бы, ни к чему, однако же тащут.

Мне грустно было слышать от владельца двухэтажных шкафов и одного комоды, что он хлопотает о разрешении сломать, к великому сожалению, не эти шкафы и комод, а гардеробную, и эти шкафы и комод, а гардеробную, и

за счет нее удлинить комнату. Если он получит такое разрешение, ему, бедняге, придется жить в загроможденной мебелью длинной комнате, ну совсем как в коридоре учреждения, где происходит очередная реорганизация отдела.

А любители занавесок и портьер! В детстве, я помню, мы устранили занавески из стужевых и шалей. И сами же не могли потом из них выбраться. Мне вспоминалась эта игра, когда я вошел в однокомнатную квартиру к неким милым и гостеприимным людям. У них все, как в таких занавесках: портьера на входной двери, портьера на двери из коридорчика в комнату, занавеска между этой дверью и входом в кухню, там оплет портьера, под ногами всюду половки, пахнет нафталином, темно даже днем, и голоса звучат, как на тайном заседании масонской ложы. Вот, оказывается, какой существует еще способ утеснить свою квартиру, а заодно и испортить себе жизнь. И он не единственный, я бы мог рассказать о многих других.

На эту тему следует писать, говорить, ставить фильмы. И не бояться справедливых упреков в недостатке хорошей современной мебели в магазинах. Сегодня мебели нет, завтра она появится, но вот если у человека не развит вкус, если он прибавляет к стене ветвистые оленьи рога и развешивает на них пробки от шампанского, как я однажды видел, то такой человек, предоставленный самому себе, еще очень долго будет покупать в магазине славянские шкафы и поддерживать коммуну законсервированных в своем консерватизме деятелей мебельного производства.

Ну, а теперь о заселении новых квартир.

МАЛОГАБАРИТНАЯ

С «ПОДСАДОМ»

Молодой отец семейства задумчиво посмотрел на свою жену, потом на меня и сказал:

— Кабы мне дали всю квартиру, обе комнаты, был бы я счастлив, что ни на есть счастливый человек на свете. Сейчас у нас один сын, а если родится второй? Что тогда? Четверо в одной комнате?.. Ведь я квартиру на всю жизнь получил.

— Почему же на всю жизнь, — возразил я. — Разрешится обстановка с жильем, дадут вам и вторую комнату в вашей квартире.

(Окончание на 2-й стр.)

Рокуэлл Кент: Нужно наставить Америку на правильный путь

Крупнейший американский художник Рокуэлл Кент направил через отдел печати советского посольства в США «Открытое письмо советским художникам и писателям».

Письмо гласит:

«Художникам и писателям Советского Союза.

Уважаемые коллеги, я получил копии ваших двух писем, и позвольте мне, как художнику и писателю, ответить на оба и выразить благодарность за доверие к нашей доброжелательности и к нашему чистосердечию, вытекающее из вашего призыва к нам установить взаимопонимание в обстановке нынешнего кризиса.

Все виды искусства — прежде всего выражение любви к мирной жизни. А естественным следствием этой любви является ненависть к смерти и к ее орудию — войне. Любовь к жизни — это значит любовь к правде. Как приверженец мира, я пытаю глубокую надежду, что на совещаниях наших государств удастся приблизить мир — всеобщий мир. И как приверженец правды, я пытаю отвращение к таким действиям и к такой лжи, какие подорвали это совещание.

Я верю в американский народ, и поэтому очень надеюсь, что его отвращение к тем действиям в словах, которые подорвали совещание, будет настолько глубоким и широким, что оно побудит наши народные массы воспользоваться своим гражданским правом и набрать на предстоящих выборах своим

В ЧЕРА в Кремле состоялось вручение Ленинских премий за лучшие произведения 1959 года в области литературы, журналистики и публицистики и искусства. Присуждение премий, — сказал в своем вступительном слове председатель Комитета по Ленинским премиям в области литературы, журналистики и искусства Министр СССР Николай Тихонов, — вызывает чувство праздника. Это и есть праздник нашей культуры. Среди тех, кому были вручены вчера высокие награды, — поэты Максим Рыльский и Мирзо Турсун-заде. Принимая дипломы и почетные знамя лауреатов Ленинской премии, писатели произнесли возвышающие слова благодарности партии, правительству, всему народу нашей страны.

Нинита Сергеевна Крушев, — сказала Мирзо Турсун-заде, — дал высокую оценку работе советских писателей, назвав их верными помощниками партии. Но чтобы помочь партии, помочь народу, писатель должен так отточить свое оружие — слово, чтобы оно не трещало и не устаревало.

Свое вступительное слово закончил стихами: Когда читателей мы учим законам светлой новизны, Когда стихи полны горючим — могучей правдой полны, — Они взлетают, как ракеты, они, как спутники, парят. Они сверкают, не стесаясь в сердцах людей они горят.

Михаил Шолохов прислал в Комитет телеграмму, которая была оглашена: «Ввиду болезни прибыть на вручение премии не могу. Благодарю Комитет за высокую оценку моего труда. Пользуясь случаем, прошу передать через ваше посредство моей родной партии, родному правительству, всему нашему народу мое сердечное спасибо. Безмерно созидающая жизнь я стал для слушания нева Родиной. Меня всегда обнимали в том, что я пишу медленно. Я делал все, что было в моих силах, на благо моей Отчизны.

От всей души желаю моим друзьям, моим сверстникам и особенно молодым писателям стать со мной в одну шеренгу лауреатов, чтобы нас стало больше.

Обиравно Максима Рыльского, которого очень люблю, обнимаю всех награжденных. Спасибо, Михаил Шолохов».

Премии за книгу «Лица к лицу с Америкой» вручены А. Аджубею, Н. Грибачеву, Г. Жукову, Л. Ильичеву, Е. Литвинову, В. Матвееву, В. Орлову, П. Сатуню, О. Уромовскому, А. Шабалину, Г. Шуйскому. Ввиду отсутствия В. Лебедева, находящегося в командировке, премия ему будет вручена позже. От имени коллектива авторов книги слова благодарности выступил Л. Ильичев. За лучшие произведения в области литературы Ленинской премии вручены С. Бондарчу, В. Монахову, Р. Кармелю, Д. Мамедову, С. Меднискому, Д. Ойстраху, Г. Свиридову.

С теплыми словами приветствия к награжденным обратились член Президиума ЦК КПСС, министр культуры СССР Э. А. Фурцева.

Ленинские премии вручены

Н. С. Тихонов вручает диплом и почетный знак лауреата Ленинской премии Максиму Горькому. Фото А. Князева

Макмиллан в роли сфинкса

ВЫСТУПАЯ во время дебатов в палате общин по вопросу о провале совещания в верхах, Гарольд Макмиллан заявил, что «вся эта история широко обсуждалась и дискутировалась в устной и письменной форме во всех странах мира, так что история не будет испытывать недостатка в материале для своих будущих исследований и разногласий».

С этим заявлением нельзя не согласиться. Спор тут, не много было написано и сказано по этому поводу. Журналисты писали, а комментаторы высказывались. Мы глубоко признательны Макмиллану за эту исключительную ценную информацию, пролившую яркий свет на то, что происходило в Париже. Теперь мы знаем все. Полно, все ли?

После того, как я прослушал речь Макмиллана, а затем дважды прочел ее в официальном протоколе, я усомнился в том, что историки смогут почерпнуть в ней богатый материал. С таким же успехом мы могли бы внимать словам загадочного сфинкса.

Не исключена возможность, что лет через пять, а может быть, еще в нынешнем 1960 году (при условии, что мы останемся живы), Макмиллан, удалившись в отставку, займет место в палате лордов, будет именоваться графом Макмилланом и, следуя примеру сэра Уинстона Черчилля и сэра Антони Идена, сам превратится в историка. Тогда он напишет мемуары, которые выйдут в свет в роскошном издании и будут публиковаться с продолжениями в мировой печати. Может быть, «Литературная газета» представит в будущем свои страницы для рецензии, которую я (если я доживу до того времени) напишу на эти мемуары.

Однако мне хотелось бы, чтобы Макмиллан не был таким скрытным и

Эмрис ХЬЮЗ, член парламента, лейборист

предать бы гласности отрывки из своих будущих мемуаров уже теперь. Ведь в конце концов это могло бы помочь нам остаться в живых, поэтому многим и многим англичанам не терпится поскорее узнать, что именно говорил и делал Макмиллан в Париже в те полные событий дни.

Никто не собирается умалять заслуг Макмиллана, зачеркивать все, что он совершил делая в роли посредника, недооценивать роль его поездки в Москву и его усилия в деле подготовки совещания в верхах. Однако просто приехать на совещание — это еще очень мало. Многие из моих соотечественников-англичан сожалеют о том, что не состояло совещание в верхах, помимо всего прочего, еще и потому, что мы очень хотели знать, что именно будет говорить наш премьер и как он будет держаться по приезде в Париж. Оправдает ли он надежды, которые зародились в сердцах людей его речи, произнесенные в Москве? Или же он придет в конце концов к выводу о необходимости поддержать Америку, потому что последняя — союзница Англии, даже созиная в глубине души, что политика Америки представляет собой величайшую опасность для мира во всем мире?

А может быть, он по-прежнему будет стараться «кусить верхом на заборе», что не так-то легко сделать на таком высоком уровне, даже в том случае, если там окажется забор.

В Англии распространено мнение, что в Париже Макмиллан выступал в роли известного английского адмирала Горация Нельсона. Последний, не желая выполнять приказ старшего по чину начальника в критический момент морского сражения, приложив подзорную трубу к глазу, которым он не видел, и воскликнул: «Мне не видно сигнала».

Похуже на то, что Макмиллан, во избежание затруднений, закрыл глаза на то, что происходило в те дни в Вашингтоне. Чем еще можно объяснить тот факт, что он не нашел возможным открыто и решительно осудить шпионский полет над русской территорией, сделав это таким же решительным и недвусмысленным образом, как умный и мужественный американец Уолтер Липпман и даже как лидер английской лейбористской партии Хью Гейтскелл, осудивший с трибуны палаты общин этот полет как глумливый и провокационный.

Самой собой разумеется, что такой опытный политик и дипломат, как Макмиллан, просто не может поверить в правдивость объяснений государственного департамента в Вашингтоне относительно того, каким образом шпионский самолет оказался над Россией. Ныне лишь простак может принять на веру объяснения Вашингтона, а Макмиллан может быть кем угодно, но только не простаком. Так ли оно было на самом деле или нет, но Джордж Вашингтон вошел в историю как «человек, который ни разу не солгал». Джим Хэггерт явно не обладает этим ценным качеством Джорджа Вашингтона. Джим Хэггерт солгал и был поймаан с поличным. Надо полагать, что даже в моменты наибольшей преданности своему союзнику Макмиллан не станет верить, что питает безграничную веру в правдивость слов Джима Хэггерта.

Поэтому в критический момент мировой истории прямой долг Макмиллана перед Англией и перед всем миром заключался в том, чтобы в ясных и не двусмысленных выражениях осудить действия американского правительства, пославшего в воздушное пространство России шпионский самолет за две недели до совещания в верхах.

Ведь Макмиллан не мог не знать, что эти действия угрожали сорвать совещание глав правительств. Однажды во время встреч в Париже он фактически признал это. В его краткой речи на совещании в Елисейском дворце содержалась такая фраза: для того, чтобы совещание могло продолжаться — а он выражал надежду на то, что оно продолжится, — оно не должно провалиться. Это угроза в продолжение этих летов.

Итак, угроза все-таки существовала! А откуда исходила эта угроза и против кого она была направлена? Нам хотелось бы, чтобы Макмиллан более открыто и искренне заявил об этом в своей речи в палате общин. За-

чем заставлять нас ждать до той поры, когда он напишет свои мемуары?

Но Макмиллану хочется поскорее замять вопрос о провале совещания в верхах. Мы же должны думать о будущем. Не о прошлом!

Может быть, он руководствуется афоризмом Бенарда Шоу: «Урок истории заключается в том, что мы не извлекаем из истории никаких уроков». Однако из истории, предшествовавшего уроку, следует извлечь уроки. Только совершенно ясно осознавая смысл всей этой истории с шпионским самолетом, сможем мы выработать правильную политику на будущее. В противном случае цель ошибок может привести к катастрофе.

Лидер лейбористской партии Хью Гейтскелл поставил перед Макмилланом ряд прямых вопросов, на которые не последовало ясного ответа. Вот один из этих вопросов: «Имеют ли место консультации между правительствами Англии и Америки после того, как было объявлено о захвате самолета «У-2», и если да, то какого рода? Обращались ли американцы к нам за советом или же они действовали на собственный страх и риск, не консультируясь с нами?»

Мы все еще ждем удовлетворительного ответа на этот вопрос.

Стоит ли удивляться тому, что Деннис Хили, выступивший с заключительной речью от имени лейбористской партии, подверг резкой критике проявленные Макмилланом сдержанность и скрытность. Он заявил: «На мой взгляд, речь, произнесенная сегодня премьер-министром, — это подлинная трагедия. Мне думается, что каждый англичанин и миллионы людей за пределами Англии ждали от него руководства, конструктивного руководства, исполненного государственной мудрости. Руководства, которое оправдало бы надежды, которые подавало поведение премьер-министра перед совещанием, да и в самом совещании. Сегодня мяч был в ногах у нашего премьер-министра, но лишь слегка дотронулся до него носком, а затем сонно пошелся прочь с поля...»

Никто не стал бы ставить премьер-министру в упрек некоторую усталость и разочарованность, но от этой речи у меня и, по-моему, у многих членов палаты, принадлежавших как к оппозиции, так и к правящей партии, осталось впечатление, что он потерял присутствие духа, утратил веру в себя и в курс, который он проводил в последние годы.

Нам, англичанам, нельзя забывать историю с полетом «У-2». Наша страна является базой, с которой могут вылететь американские самолеты в направлении СССР и которая неизбежно стала бы мишенью для ответной атаки. Это отнюдь не академический вопрос и не проблема для размышлений в историческом плане. Это самая большая опасность, угрожающая нам в настоящем и в будущем.

Если Англия по-прежнему будет оставаться американской базой в Западной Европе, может случиться, что Макмиллан не доживет до того дня, когда ему представится возможность написать свои мемуары, а мы — до того дня, когда нам представится возможность прочесть их.

To sit on the fence — идиоматическое выражение, означающее лавировать между двумя сторонами, придерживаясь выжидательной тактики и не определяя окончательно своей позиции.

To have the ball at one's feet — идиоматическое выражение, означающее быть хозяином положения.

ЛОНДОН, июнь. (По телеграфу).

НА СОВЕЩАНИИ В КРЕМЛЕ

7 июня в Большом Кремлевском дворце открылось Всесоюзное совещание по градостроительству.

На первом пленарном заседании заслушаны доклад председателя Госстроя СССР В. А. Кучеренко «О состоянии и мерах улучшения градостроительства в СССР» и доклад главного ученого секретаря Академии строительства и архитектуры СССР Н. В. Баранова «О состоянии и задачах проектирования городов и внедрения прогрессивных приемов планировки населенных мест», вице-президента Академии строительства и архитектуры СССР А. В. Власова «Застройка городов в условиях дальнейшей индустриализации строительства», министра здравоохранения СССР С. В. Курашова «Благоустройство, озеленение и улучшение санитарного состояния городов». По докладом начались прения.

На совещании образованы и начали работу четыре секции: районной планировки, планировки и застройки городов и поселков; благоустройства, озеленения и улучшения санитарного состояния городов; индустриализации и качества строительства; планировки и застройки сельских населенных мест.

КАЗИМИР ЛИСОВСКИЙ НА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТОЙ ПАРАЛЛЕЛИ... ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА

«МАЛЕНЬКАЯ, НО СЕМЬЯ»

Когда тебя стужей всего свело, Когда побелели лицо и уши, — Благословенно людское тепло, Благословенны уют, радушие! ...В уютной комнате стол накрыт, Сидят за столом крепящиеся ребята, Никто, конечно, не знаменит, Ничем эта комната не богата.

Каждый вернулся сюда с работы, Каждый верст тридцать прошел один, Лунки во льду пробивал И лотом Мерил глубины морских пучин.

Чтобы споконно к портам знакомым, В тумане невидимых почт, Суда Отчизны шли по морскому Великому Северному пути.

Чтобы, волну ледяную вспенив, С флагом, пылающим, как заря, Атомолотом ледокольный «Леня» Двинулся смело через моря.

Тихо сидят за столом накрытым, Сяк робки, что стужей побелены, Гидрографы, Скрывшие следы этой арктической целины.

Им — не до шуток, если признается, Арктика трудно дается всем... Самому младшему — девятнадцать, Самому старшему — двадцать семь. На лоб чубы не свисают лихо, Мороз черноту на щеки навел...

Мария Георгиевна, повараха. Хлеб нарежет, кладет на стол. Пугра за окнами завывает, А здесь, усталости не тая, Струдилась дружная, Боевая. Поистине — «маленькая, но семья».

На промерзлую стену Натянули экран. Гаснет свет. И табачный Спрау тает туман. Люди дальней зимовки Смотрят дважды подряд

КРЕПИСЬ, ТОВАРИЩ!

Сколько лампочек здесь, беспокойных и хрупких, Как пронизатели тут передатчиков свет! Встав на даху полноточную, в радиорубе Над столом наклонился плечистый радист. Он наушники взял, молчалив и неловок, Часто курит, работая нервно ключом...

А давно ли радисты соседних зимовок С доброй завистью всем говорили о нем! Как выматривал пасти песчовые в тундре, Как на утлой лодочке нырял среди льдин, Нерпу сетью ловил.

Знал морскую протундру И с медведем встречался один на один, Может, горе пришло к нему? Может, несчастье?

Карабин его верный пылится в углу, Сети свалены в кучу, Заброшены пасти, Ветер в печке холодной тревожит золу. После вахты придет он в свою комнаткачку, Где висит застывший дух табака.

Где над койкою — фото жены и ребенка В окружении вырезок из «Огонька». И глаза у жены улыбаются, Слово Засмеются вот-вот над мужской тоской! Что надела ты, Валентина Петровна! Валя, Валенька, что же случилось с тобой? Через год договора кончатся сроки. Он предлет...

Но в ящике верхнем стола Есть письмо. На листке — торопитивные строки: «Если можешь — прости. Так случилось. Ушла».

Равнодушные строки. Слова ледяные. Что ж, товарищ, крепись. Губы в кровь закуси. Слышнши? В комнату снова летят позывные:

Это требует метеосводку Тикси! И наушники сняв, он упрямо и хмуро Обиывает, губами чуть-чуть шевеля: «Ветер северо-западный. Температура Сорок два с половиною ниже нуля».

РОКУЭЛЛ КЕНТ

ВАШИНГТОН.

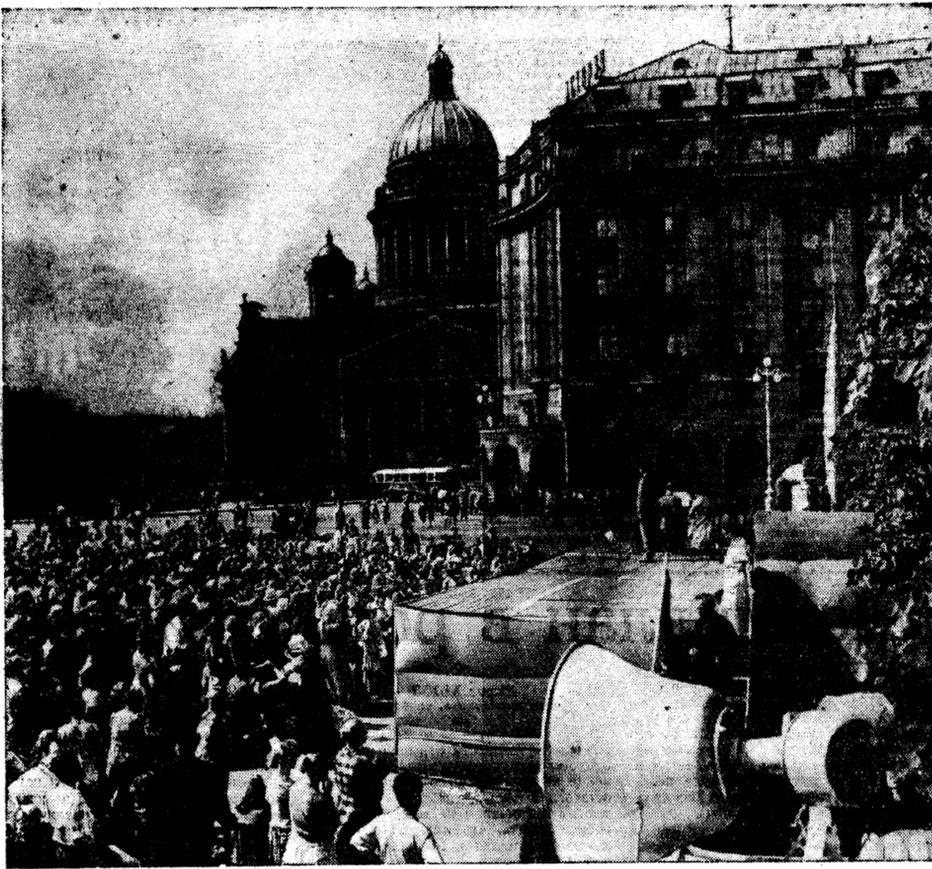
Фильм о детях спасенных. О тебе, Ленинград. Смотрит вместе с другими. В телогрейку одет, Паренек худощавый Двадцати пяти лет. Что-то прыгают губы, Что-то хмурится бровь... Опаленное детство Повторяется вновь. Пареньку в телогрейке Не забыть ничего! С тела матери мертвой Люди сняли его. А потом — путь-дорога Да глухие места, Детский садик над Волгой, Чых-то рук теплота. Вот сидит он и смотрит На спасенных сирот. Он, зимовщик-гидрограф, Покоритель нирот. Это только начало, Это только разбег, Это призрака только... Так ведь, правда, Олег? Остров Котельный — Земля Внже — бухта Тикси. 1960 г. Рис. В. Бибнова

Еще одна военная тревога в Пентагоне

НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ВСЕОБЩЕМ И ПОЛНОМ РАЗОРУЖЕНИИ

Караул!!! Над нами нависла угроза разоружения. Рисунок Н. Лисовского

На площади Ленина у нового здания Финляндского вокзала, на Дворцовой и Исаакиевской площадях, на Невской набережной возле Медного Всадника, за Нарвской и Московской заставами, в пригородных садах и парках Ленинграда в минувшее воскресенье проводился «День песни». Ленинградцы хорошо подготовились к своему песенному празднику. Сколько новых художественных коллективов родилось за это время, сколько создано новых песен! Праздник начался ровно в полдень. На тридцати площадях состоялось выступление хоров и оркестров самодеятельных художественных коллективов. Трудящиеся города встретились с мастерами искусства, поэтами, композиторами. Грандиозный концерт состоялся вечером на Дворцовой площади. В нем приняли участие шесть тысяч исполнителей. Концерт открылся исполнением впервой песни «Слався, имя родное», посвященной В. И. Ленину (композитор А. Анисимов), песнями И. Дунаевского, В. Соловьева-Седого, В. Мурадели, А. Новикова. Проведения советских композиторов сочетались в программе концерта с классической музыкой, русскими народными песнями. После концерта на площади началось Ленинград (Маш Корр)

АРХИТЕКТОР, ДОМ И МЫ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Я понимаю. Но сколько времени нужно, чтобы... — он сделал паузу и лукаво на меня посмотрел. — чтобы родился сын?

— Это я забыл. Я теперь помню, сколько времени нужно, чтобы родиться внук, — сказал я. Мы поспешили, и я ушел. А спустя по лестнице, думал о том, что этот молодой отец семейства должен был уже теперь стать «самым что ни на есть счастливым человеком на свете». Ведь поселен его с семьей в квартиру, рассчитанную на одну семью, почему же второй комнатой владеет не он, а некая одинокая дама, с которой у него уже началась противная ссора?

Как я уже говорил, в новых домах я видел довольных людей, но знал, что есть и недовольные. Они не попадались сами, их приходилось разыскивать. Я расспрашивал о них у работников жилищных контор, узнавал у жильцов по добрым таким способом адресам. И должен заявить, что среди живущих в отдельной квартире, по-прежнему, отдельной, недовольных я не встречал. Но вот те, кто въехал в односемейную квартиру с «подсадом», как выразился один пострадавший, очевидно, охотник, то есть разделит квартиру с одним, как правило, но абсолютно посторонним человеком, они поголовно все недовольны.

Поселенные нормально, без «подсада», иногда даже плотнее, чем предусматривали архитекторами, охотно мирятся с малыми габаритами подсобных помещений квартир, отлично понимают, что именно уменьшение кухни, вани и коридоров позволило отказаться от строительства коммунальных квартир и за те же деньги строить отдельную квартиру каждой семье. Но вот если не одна, а две семьи владеют совмещенным санитарным узлом, если в маленькой кухне ставится второй стол и хозяйка отводит всего только одну конфорку на газовой плите, тогда уже не из-за денег мирится с малыми габаритами, тогда возникает обида, и вполне естественная.

Научно-исследовательский институт жилищной Академии строительства и архитектуры проверил, как заселялись квартиры в прошедшем году в 42 городах Союза. Было обследовано около

50 тысяч квартир, в том числе примерно половина предназначенных для посемейного заселения. Оказалось, что 50,8 процента таких квартир были заселены одной семьей. Хорошо? Как будто не так плохо. Неправильно заселено всего четыре процента квартир. Однако со статистическими данными нужно оперировать всегда осторожно, в особенности когда за процентами скрываются живые люди. Выяснилось, что в этих четырех процентах квартир живет 9 процентов всех семей, получивших квартиры, то есть почти для каждой десятой семьи квартира, предназначенная исключительно для посемейного заселения, стала квартирой коммунальной. А это уже меняет дело.

Правда, в домах, построенных по старым проектам, отдельные квартиры получили всего только 35,7 процента семей. Сразу становится очевидным то огромное преимущество, какое имеют малогабаритные квартиры. Но это вовсе не значит, что нужно мириться с хотя бы частичным нарушением плановых указаний партии и правительства о посемейном заселении новых квартир.

Кто же повинен в этом?

Если спросить архитекторов, они дадут точный адрес виновников. Московские архитекторы укажут на районные исполкомы Москвы, а, скажем, пермские — на исполкомы Перми. Более того, архитекторы расскажут еще и о том, как они борются со скверной привычкой райисполкомов распределять жилую площадь не по квартирам, а по комнатам. В этой борьбе они проявляют и настойчивость, и изобретательность. Например, упорно, несмотря на всеобщие протесты, проектируют проходные комнаты. Мол, попробуй посели в проходную комнату семью. Ан не поселишь.

«Действительно, не поселишь, — с грустью соглашаются райисполкомовцы. — Разве только родственную...»

Родственную? Так вот почему, оказывается, старики до конца дней своих обрекаются на жизнь с женатыми детьми. Вот почему девушка, выходя замуж, должна думать, как она будет ладить не со своим милым, а с его мамашей. Все дело в том, что такие семьи — находка при заселении дома: их можно расселить в квартирах с проходными комнатами. «Свекор, родневый, отвернитесь, не смотрите на меня. Я не одета». И все тут. А среди чужих при данных обстоятельствах бог знает какое недоразумение может произойти.

Вот, оказывается, почему при переселении не разделяются семьи, давно уже разделившиеся во всех отношениях, кроме территориального. Попробуй, раздели такую семью, что получится? Ясно, что получится две пары. А их, этих пар и одиночек, в Москве и без разделенных предостаточно, третья часть всего количества семей. Разделишь, и люди переселили тогда из старого дома в новый, из коммунальных квартир в односемейные. Трудновато решать такую задачу, если в новых домах однокомнатных квартир очень мало. Вот и будем рад искусственным, составным семьям, а как их теперь называть? «Подсаживать» одиночек.

Но ведь существуют проекты домов так называемого гостиничного типа, то есть домов, состоящих только из однокомнатных квартир для одиноких и бездетных людей. Таких дома в Москве совсем не строятся. Почему?

Нет, пожалуй, нужно спросить не так, а по чей вине не строятся? Ведь получается нелепая вещь: архитекторы борются с нарушением принципа посемейного заселения квартирами всеми способами, кроме единственно разумного. Будь в распоряжении райисполкомов достаточное количество однокомнатных квартир и домов гостиничного типа, чего ради они стали бы селить по две семьи в одну квартиру? Не стали бы, товарищи архитекторы, уверяю вас, не стали.

Таким образом, совершенно ясно, что

планировку новых кварталов Москвы и других городов нужно вести, исходя из демографических особенно-

стей города, то есть с учетом состава семей будущих жителей по статистике. Тогда разрешится проблема однокомнатных квартир и архитекторы освободятся от прямой, как им кажется, необходимости проектировать квартиры с проходными комнатами.

Но, может быть, есть еще и другие причины, не столь прямые? Не секрет, что проходная комната очень улучшает соотношение жилой и полезной площади в квартире, то есть знаменитый коэффициент К. Мы все, конечно, верим, что по этому условному и устаревшему показателю никто не судит о качестве проекта, однако от хороших коэффициентов, как говорится, никогда ни у кого не болела голова.

А вот от проходных комнат иногда побаливает. В Москве только пятая часть двухкомнатных, например, квартир строится в изолированных коммунальных домах, явно по разрезе с демографией описанной. Об этом говорят все, кто связан с тяжелым и, если не боится слов, кляузыным делом распределения квартир.

Разумеется, невозможно спроектировать квартиру, отвечающую вкусам и потребностям всех, удобную для любого состава семьи. Поэтому архитекторы очень улавливают сейчас идею создания такой квартиры, которую каждый жилец может распланировать по своему желанию. Перегородки в ней устраиваются так, что могут быть поставлены без больших затрат времени и средств. Неизменным в такой квартире остается лишь расположение санитарного узла и кухни.

Идея, бесспорно, очень хорошая, но она пока еще не реализована. На выставке по градостроительству, открывшейся в конце апреля в Москве, такая квартира представлена в натуральную величину. Передвижные перегородки в ней действительно, передвижаются, но, увы, не перегораживают. Если я слышу, как за перегородкой у моей жены на руке тикают часы, то, очевидно, нельзя считать, что мы с ней сидим в разных комнатах, хотя и верно, что друг друга мы не видим.

Кстати, для чего вообще московские архитекторы выставляют макеты нескольких типов квартир? Если для обсуждения вариантов планировки — что было бы чрезвычайно полезно, — то с кем собираются их обсуждать? Не для одних же высоких судей из Госстроя, надо полагать, устроена выставка. Нет, конечно. Иначе не продавали бы билетов всем нам, обычным посетителям. Однако, что думает, как относится к выставленным проектам этот обычный посетитель, в большинстве несомненно, будущий жилец проектируемых домов, устраивает выставки не интересует.

А почему бы, скажем не раздавать всем опросные листы: мол, напиши, какой товарчик понравился тебе, такая квартира или не понравилась, что ты можешь предложить, чтобы ее улучшить? Может быть, авторы выставленных проектов уверены, что им ничего путного не подсказают? Нет, просто наши архитекторы не научились еще выносить на суд общественности свои замыслы и свои решения. И никто их к этому не поуживает. А хорошо, если бы, например, в Госстрое не утверждали проектов без стенограмм обсуждения их на собраниях различных производственных коллективов, домохозяйек, жильцов новых кварталов, особенно экспериментальных.

За семилетку нужно построить пятнадцать миллионов квартир. Гигантское дело! И его нужно выполнять совместно всем нам, дружно, а это значит и под его взаимной критикой. Таковы законы дружбы в нашем обществе.

Ведь проектировать квартиру, дом, квартал, город — это значит проектировать нашу будущую жизнь, во многом важную и неважную предвидеть ее и предопределять. Вы беретесь сделать это хорошо без нашего участия, товарищи архитекторы?

СЛОВО ЗЕМЛЯКОВ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

Эти вопросы трудно дать определенный ответ. В своем писателе не свои средства произвела капитальный ремонт и реставрацию дома, собрал и подготовил материалы для экспозиции, однако официально решение о здании музея еще нет.

Справедливости ради надо сказать, что комиссия по литературному наследству Сергея-Ценского провела большую работу: разобрали архивы писателя, подготовили к печати и выпущен в Крымштаде 4-м том энциклопедии «Образование России». Однако возможности писателя, когда откроется мемориальный музей в доме, ограничены. И здесь, нам же Сергей Николаевич кажется, больше заинтересованности и внимательно-

сти должны проявить Союз писателей и Академия наук СССР, действительным членом которой был Сергей Николаевич Сергеев-Ценский.

В сентябре 1960 года исполняется 85 лет со дня рождения писателя. Хочется верить, что к этой знаменательной дате читатели получат любимые книги Ценского и о Ценском, а побывав в Алусте, смогут посетить мемориальный музей Сергеева-Ценского и увидеть на могиле писателя памятник, достойный его замечательного творчества.

Н. ПЕТРОВ,

секретарь Алустского городского РК КП Украины

В наш курортный город приезжают на отдых трудящиеся со всех концов страны. Многие из них посещают усадьбу, где покровителем Сергей-Ценский. И всякий раз посетители задают вопрос: когда будет установлен памятник на могиле писателя? Однако возможности писателя, когда откроется мемориальный музей в доме, ограничены. И здесь, нам же Сергей Николаевич кажется, больше заинтересованности и внимательно-

ПЕРЕД БИТВОЙ

Так собираются перед битвой полководцы у карты... Они ищут тот единственный путь, который позволит выиграть бой.

РАЗМЫШЛЯЯ О ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ... (ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ)

«ОСТАТОЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ»

ЭТИ КРИТИЧЕСКИЕ заметки не имели бы смысла писать, если бы градостроительство шло у нас потихоньку, помаленьку. Но оно приняло такой размах, что каждая неправильность вырастает до гигантских размеров, а потому, как мне кажется, все люди, задумывающиеся над устройством города, обязаны высказать свои соображения. Может быть, из сотни одно и пригодится.

МНОГО ЛЕТ тому назад, еще до войны, я решил высказать некоторые из беспокоивших меня мыслей об архитектуре одному весьма видному специалисту. Он выслушал со вниманием и сказал:

— В общем вы правы. Однако вы опоздали с вашей критикой. Сейчас уже взят новый курс.

— Но только вчера я видел, как строили дом...

— Возможно. Но это — остаточные явления. Теперь все по-другому. В 1958 году, едучи на выставку в Брюссель, я познакомился в дороге с очень интересными и талантливыми деятелями архитектуры и повторил им то, что говорил до войны. Они мне сказали:

— Это всем известно. Вы опоздали. Теперь все по-другому.

— Однако сегодня я видел, как строили...

— Остаточные явления. Может быть, действительно, все всем известно, и нечего беспокоиться? Но дело в том, что строим мы не на десять лет и строим для людей, и люди имеют тут право голоса. Именно здесь и находится первый недостаток, о котором мы беседуем.

Один журналист пришел в одну архитектурную мастерскую, и там ему сказали так:

— Почему товарищ Туполов, проектируя свои самолеты, не обязан выслушивать советы тех, кто будет в них летать? И почему архитекторы, проектируя города, должны выслушивать мнение тех, кто будет в них жить?

Мне кажется, что подобного рода «подход» уже воцарился в практике нашего градостроительства: так сказать, «архитектурный аристократизм», боязнь общения с людьми, несправедливо выслушивать их. Что касается меня лично, и всех моих родных, и всех моих друзей, я могу сказать ответственно: зданию долгие годы в Москве, в городе самого бурного строительства, никто из нас никогда не был позван на какую-нибудь встречу и обсуждение проектов будущего города. Говорят, что такие встречи иногда происходят, и есть даже цифры посещаемости и высказываемости, однако значения для проектировки эти совещания не имеют никакого.

Пожалуй, все-таки не мешало бы найти какие-то демократические и вместе с тем жесткие формы участия общественности в обсуждении и даже в утверждении проектов и вообще в градостроительной работе. Я полагаю, что это обогатило бы нашу архитектурную мысль и предупредило бы некоторые ошибки.

НЕ ТАК ДАВНО в Доме архитектора я видел новые проекты Дворца Советов. Один из них мне очень понравился. Веселый, светлый, свободный от всякого стремления падавать величием и унизить громадность, он был, как мне кажется, наиболее близок душе простого человека, духу социализма. Возле лежали тетрадки для мнений, и я расписался страстно на восемь. Я написал и свой телефон, и адрес, но как и следовало ожидать, никто мне не позвонил — может быть, никто и не прочитал, даже то, что мы, посетители выставки, написали в этих тетрадках. А я прочитал многие отзывы и, должен сказать, не знаю, как насчет самолетов, насчет архитектуры в отзывах было немало интересного, полезного и для практики нашего строительства нового!

В этой тетрадке я задал талантливому и радостному архитектору, между прочим, и такой вопрос:

При проектировании этого здания советовался ли он со стенографистками? Спрашивал ли он мнение перевод-

чиков? Интересовался ли он, что думают о форме зала и общем его устройстве кинодокументалисты, например Центральная студия документальных фильмов или работники телевидения? Каково мнение журналистов? Ведь от работы этих людей во время сессии, съезда, конференции зависит то, насколько народ хорошо и ярко будет информирован о том, что происходит в зале? Для архитектора тут будет иметь значение даже мнение уборщицы по части быстрой и отличной уборки помещения, не говоря уже о соображениях тех, кто будет сидеть в креслах, в президиуме, стоять на трибуне...

И наконец, что автор проекта провел такие беседы с общественностью, так же как я уверен, что авторы актового зала университета на Ленинских горах этого не сделали.

И получился зал пышный, но ничудный. Это — уже к вопросу о традициях. Традиции, от которых «отталкивались» (как принято выражаться) авторы актового зала университета, были — Колонный зал Дома Союзов. Зал архитектурно отличный и функционально правильный. Он был задуман как дворняжский дансинг: для балов. Но как зал для заседаний он вполне непригоден. Зал университета построен так же, только в полтора раза больше. Для бала колонны превосходны — эффектный фон для фигур, отделяют танцплощадку от резервных дам и кавалеров, от мамаш и стариков... Но для работы съезда колонны — нелепость: застят президиум и трибуну. Наиболее выгодное положение оратора — в центре полушферы, а тут — длинное прямоугольное, из дальних рядов которого ничего не видно. А если полушфера — значит наклонный пол, что непригодно для дансинга и противоречит вообще форме базилика... Что же касается специальных, и очень сложных, условий для работы тех людей, которые суть «уши и глаза народа», то есть кинооператоров, операторов телевидения, журналистов, — таких условий не предусмотрено вовсе: такsay свои треножки и вложи по полу провода, мешай всем работать и сам мучайся: в девятнадцатом веке, слава богу, никаких кино не было!

НАДО ПОСПЕВАТЬ за временем. Больше того, надо видеть далеко вперед! Когда-то улица была местом прогулки, откуда можно было рассматривать город. Она была выставкой фасадов, торговыми рядами, эффектной перспективой... Есть даже улицы, построенные, как залы, например улица Росси в Ленинграде. Лучшие квартиры выходили окнами на улицу, подешевле — на двор.

Что случилось с улицей сейчас? Мы, горожане, это знаем слишком хорошо, на собственном горьком опыте. После того, как (по историческим исследованиям Ильфа и Петрова) пешеходы изобрели себе на голову автомобиль, улица превратилась в коридор, заполненный выхлопными газами, визгом тормозов, скрежетом передач, ревом моторов и той неэстетичной, но, как полагают некоторые врачи, роковой для здоровья асфальто-резиновой пылью, которая, подобно угольной, не выносится из легких. Кроме того, улица стала опасной для жизни, поскольку медленное движение транспорта в городе невозможно, а попытка остановить машину или сманеврировать на большой скорости в переполненном коридоре может кончиться катастрофой (чего, кстати сказать, не понимают даже мостовичи).

Улицы в наши дни — это клоака транспорта.

Люди, которым предоставляют квартиры в новых районах, спрашивают: куда выйдут окна. Если во двор — хорошо, если на улицу — плохо, даже очень плохо.

Улица — не место для жилья. Я говорю об этом с градостроителями и давно, и недавно. И всегда мне отвечали:

— Вы опоздали с вашей критикой. Теперь уже это учтено. Микрорайоны, специализированные подезды,

тупиковая система... Наво- нец, зеленые насаждения. Но ведь только на днях я был на Юго-Западе!

— Это — остаточные явления! Часто мне приходится ездить по автостраде Москва — Минск. Шум ее слышен за два километра, как шум горной реки после дождя. В свое время люди, лишенные воображения, провели ее сквозь Кунцево, хотя уже и тогда, учитывая мировой опыт, они могли бы усвоить детскую истину, что проводить автостраду сквозь населенные пункты нельзя. Но сейчас и мирового опыта не надо, чтобы увидеть, услышать и унюхать, что строит по берегам автострады жилые дома, школы, больницы — преступление. Как бы не так! Именно вдоль этой транспортной лавины и строятся новые Кунцево. Десятки домов уже построены, десятки возводятся в тот момент, когда пишется эта статья, когда идет совещание градостроителей в Москве.

«Остаточные явления»?

Линейное мышление — самое про- стое.

На север с юга идут — авеню, на запад с востока — стриты.

Но не самое лучшее. Что-то архаическое, косное, грустное есть в этой приверженности об- ставлять домами дороги. Вы подъезжаете к Москве по Киевской железной дороге. Пути идут в выемке, а скаты выемки продолжены десяти-этажными домами (для конкретности: в одном из этих домов помещается магазин «Москвич»). Сотни комнат, в которых люди и дети должны отдыхать, дышать, спать, висят над выемкой. Недавно, вероплю, для полного архитектурно-шумового ансамбля в эту выемку втиснули еще два пути открытого метро. Как известно, Киевская дорога — одна из самых загруженных в стране.

Вы едете по Калининской дороге из Москвы мимо Филей. Гигантская стройка. Здания растут со сказочной быстротой. За два года вы видите: дома стоят вдоль железной дороги, да еще на торжанах, а фасады, чтобы как можно больше оной получились, выводят в грохот и пыль!

Допустим, что специальным решением можно запретить строить жилые дома вдоль автострад и железных дорог. Но как быть с улицами городов?

На то и существует наука градостроительств, чтобы рационально решить этот вопрос. Я не знаю, как в теории, но на практике, с которой я лично встречался в Москве, он не решен никак. А часто он решается уродливо, неверно.

Одним из наиболее распространенных «остаточных явлений» в нашем градостроительстве являются магазины в жилых домах. Когда вы говорите, что это неправильно, на вас машут руками, вас поднимают на смех:

— Это решено уже бог знает как давно. Никто уже в этом не сомневается. Что вы ломитесь в открытую дверь?

Не будем ломиться. Тихонько войдем в любую из открытых магазинных дверей, и мы окажемся в первом этаже жилого дома. Между тем торговые здания могут иметь великое оздоровляющее значение для новых городов. Именно торговые здания, а фасады, чтобы как можно больше выводить на транспортные клоака и вместе со стеной насаждений служить защитой жилья от грохота и газов. Эти здания могут быть использованы также в качестве основы для пешеходных мостиков, которые должны быть переброшены над клоаками для безопасности детей и взрослых. Надо прямо сказать, что переход через улицу шириной в сто метров и насыщенный транспортом — предприятие рискованное. Страшно смотреть, как детиски бегут, не оглядываясь, через магистраль.

НЕ ЗНАЮ, как другие, но я не люблю регулярности в планировке города. В ней должна быть система, это облегчает ориентировку, но система вовсе не означает прямолинейность и прямоугольность. Нелинейное мышление труднее, чем линейное. Но оно дает больше уюта, разнообразия, оно — враг официозности, враг казармы. Я уверен, что двадцать абсолютно простых домов, пусть даже абсолютно одинаковых, можно расположить казарменно, регулярно, прямолинейно и получить скуку, и эти же двадцать можно расставить так, что вам захочется войти в их радужный мир, полюбоваться например расположением древесных куртин, провозвещающих движением дорожек между клумбами цветов и даже найти архитектурную прелесть в том, как пять одинаковых зданий обступили фронтон, или бассейн, или вестибюль метро... Дом состоит из многих одинаковых элементов, таких, как окна, простенки, карнизы и т. д., но он тоже элемент и может принимать участие в сочетаниях себе подобных, а сами эти сочетания могут быть разнообразны и живописны.

Опять я помолчу в открытую дверь: опять моя критика запоздала и я говорю об «остаточных явлениях»?

Ах, если бы это было так!

ЕЩЕ ОДНО замечание, которое мне кажется тоже весьма существенным. О крышах. Если бы взять карандаш и подсчитать, какую площадь составляют крыши? Уж во всяком случае не менее четверти общей площади города, если в нее не включать садов и парков. И вся эта площадь пропадает напрасно. Еще задолго до войны я писал об этом. Вероятно, это невозможно, если никто не обратит внимания на такой важный резерв места для отдыха, для игр?

В Большом Гнездинском переулке есть дом (под номером 10), очень высокий. Он был построен в 1914 году. У него плоская крыша. Первый капитальный ремонт этой крыши был сделан в 1950 году. Более 35 лет крыша стояла, и ни одной жалобы от жильцов этого дома я не слышал. Одно время там был ресторан и дансинг, и крыша выдерживала немалую нагрузку, потом там была детская площадка... Сейчас на крыше тоже играют дети, туда не достигают ни пылинки, ни шум улицы. Чудесный вид открывается отсюда — вся Москва под ногами. Значит, это возможно?

Может быть, дорого?

Но зато прочно! И кроме того, если прилечь и поставить массовое производство таких крыш, возможно, они станут не дороже железных!

Создающая сила народа громадна и растет с каждым днем. После исторического совещания по строительству, на котором товарищ Хрущев ребром поставил вопрос о переходе к новым формам архитектуры и новым методам стройки, началась грандиозная и быстрая постройка. Оно поставлено на такие технические основы, что может набирать все больше и больше темпы и распространяться все шире и шире. Строительные силы развязаны. И если в некоторых направлениях они действуют еще недостаточно точно — долг всех нас помочь их правильно и плодотворно применить.

Чтобы «остаточные явления» были ликвидированы без остатка и как можно скорее!

Этим поводом в битых халатах, дагестанским хирургам из города Махачкала, предстоит одержать самую прекрасную победу — отвоевать человеческую жизнь у болезни и смерти.

ВАШИНГТОНСКИЙ ОБЕР-ШПИОН

Английская буржуазная газета «Обсервер» опубликовала недавно статью о руководителе американской разведки Аллене Даллесе, которую мы печатаем сегодня с незначительными сокращениями.

АЛЛЕН ДАЛЛЕС уже семь лет возглавляет учреждение, которое, по существу, находится на положении министерства. Он назначен президентом и отчитывается непосредственно перед ним, хотя назначение его должно утверждаться сенатом и он может быть вызван для дачи показания той или иной комиссии конгресса на ее закрытом или открытом заседании.

Он ни в каком смысле не подчинен военным руководителям в Пентагоне. Правда, он заседает вместе с ними в «соединенном» Совете Безопасности Штатов — Национальном совете безопасности и сотрудничает с ними; однако функции этих двух организаций совершенно различны. Основная задача Даллеса и Центрального Разведывательного Управления — поставлять информацию, которая может быть полезной для правительства Соединенных Штатов. Конкретно говоря, именно Даллес представляет еженедельные «Сообщения национальной разведки», которые президент и его подчиненные — как военные, так и гражданские — принимают во внимание, разрабатывая политические меры.

ИМПЕРИЮ Даллеса поразительно легко опознать. Он только что получил огромную годовую зарплату в 1 миллион долларов. Он владеет 1 миллиардом долларов в год. Конгрессу это неизвестно. Кто-то из законодателей имеет представление об отдельных деталях картины, но ни один не знает ее в целом. Потребовался такой яркий инцидент, как захват одного из самолетов «У-2», чтобы стало ясно, каким образом достигается определенная степень секретности: фонды на производство этого типа самолетов были встроены под видом ассигнований на метеорологические изыскания.

Даллес пользуется репутацией самого лояльного из всех боссов в нынешнем правительстве, под началом которого лучше всего работать. Он предостерегает своих подчиненных от большой свободы действий, нежели руководители других учреждений. Но зато он и нажимает на своих людей. Работа начинается в 7.30 утра, и двенадцать часов спустя ведущих сотрудников можно еще застать на месте. Это — люди крупного калибра, они остаются с Даллесом отчасти потому, что он предоставляет им полную интеллектуальную свободу. Ему можно предложить идею, которая на первый взгляд кажется нелепой, и не бояться, что он ее высмеет. Он любит новые идеи.

ИЗ ТЫСЯЧИ выпускников колледжей, ежегодно обращающихся в Центральное Разведывательное Управление с просьбой принять их на работу, девять отбирается для прохождения вступительного повышенного курса. Здесь преподаются 68 языков, включая азербайджанский. (За два с половиной месяца научить бегло переводить «Правду» — такая задача ставится перед изучающими Россию.) Они проходят колоссальный курс истории и литературы той страны, которой им предстоит «заняться», а затем следует постоная и строгая проверка знаний — все это очень отличается от английских методов. Считается необходимым широкое знакомство с музыкой, искусством и театром изучаемой страны, ибо это полезно для приобретения иностранных друзей.

Каждый, кто работает под началом Даллеса, должен пройти самую тщательную и исчерпывающую проверку благонадежности, которую только знает свободный мир. Проверяется все: данные о двух поколениях родственников (не было ли среди них случаев психической неустойчивости), школьные отметки и дружеские связи, старые привязанности. В начале работы и в дальнейшем, на протяжении всей деятельности, производится проверка с помощью особого аппарата, позволяющего обнаруживать ложь. Предполагаемых кандидатов осматривают психиатры, которые сами прошли тщательную проверку. Уборщики, машинистки, сторожа, поставщики провизии для кафе-террасы, официанты — словом, все служащие Центрального Разведывательного Управления проходят такую проверку.

Одни из обучающихся углубленно изучают химию и электронику, другие становятся летчиками, третьи готовятся к тому, чтобы в Вене или в Берне экспатрированных попутчиков, которые подвергаются всяким притеснениям со стороны своих посольств и всевозможным преследованиям, а потому можно рассчитывать, что они окажутся приемлемыми для коммунистов. Даллес может приказывать таким людям причинить реальный ущерб делу Соединенных Штатов ради того, чтобы они получили доступ в самые закрытые коммунистические круги.

Они не обязательно должны быть американскими гражданами. Среди агентов Центрального Разведывательного Управления есть граждане нейтральных государств и стран-сателлитов. Они могут быть простыми матросами, отправляющимися в русский порт, они могут быть даже русскими. Они могут жить в Калифорнии или Гонконге, в Макао или Западной Берлине, специализируясь на поощрениях и организации побегов или приучаясь обивать своих преследователей со следа и убивать их.

Однако информация, полученная ценой такого риска, составляет лишь небольшую часть сведений, собираемых

Центральным Разведывательным Управлением. Большая часть этих сведений — результат невероятно скрупулезного анализа, производимого толпами людей и вычислительными устройствами, которые анализируют, классифицируют и сопоставляют в бесчисленных сочетаниях каждый клочок информации, полученной из «железного занавеса».

Военно-воздушные силы только что создали электронную машину, которая может переводить русский текст на английский язык со скоростью 16 тысяч слов в минуту.

Все радиопередачи за «железным занавесом» на всех языках прослушиваются круглые сутки, все доступные коммунистические публикации покупаются и изучаются.

Аллен Даллес поставил американский шпионаж на профессиональную ногу. Он придал ему характер миссии, требующей самоотвержения, вроде того, как это имеет место в английских секретных службах. В унылую атмосферу зияющей пустыни правительства он внес интеллектуальное оживление: достигли ли ученые, достигли ли вершины пирамиды, в структуре Центрального Разведывательного Управления, принадлежат к числу самых блестящих умов Вашингтона. Более того, они — исключительно удачливые шпионы.

Однако организация Даллеса функционирует не просто как центр по сбору информации, она также проводит до известной степени свою собственную внешнюю политику. Например, именно Центральное Разведывательное Управление в начале 50-х годов снабжало оружием чанхайских мятежников в Северной Бирме, тогда как американские дипломаты совершенно искренне заявляли, что понятия не имеют, что там творится. Центральное Разведывательное Управление послало самолеты не только в воздушное пространство над Советским Союзом; с баз на Формозе оно послало такие самолеты в воздушное пространство Китая (люди, которые совершают эти полеты известны под названием «спридивидей»). В прошлом оно проводило свою собственную политику в Лаосе и Египте, совершенно отдельно от государственного департамента. На Формозе у него имелась собственная школа для подготовки диверсантов. Джон Перифура, который, будучи послом Соединенных Штатов, в 1954 году организовал государственный переворот в Гватемале, вероятно, был агентом Центрального Разведывательного Управления.

Кроме того, Центральное Разведывательное Управление играет активную роль в политике Вашингтона. Руководители ЦРУ беседуют со столичной журналистской элитой и благодаря этому инструктаж заручаются драгоценной поддержкой прессы или могут поднять тревогу по всей стране. Такая форма деятельности считается абсолютно достойной, одним из факторов системы блоков и противовесов. Именно Центральное Разведывательное Управление первоначально дало просочиться известию о том, что Соединенные Штаты отстали от России в производстве ракет; было это сделано санкцией Аллена Даллеса или без его санкции, — неизвестно, но, несмотря на ярость Белого дома, он никого не уволил.

Тот факт, что Аллен Даллес и его организация сумели после этого выжить в сухих из воды, — важный показатель прочности его положения. Его позиция такова: пусть ему доверяют, в случае необходимости, даже слепо доверяют, или же пусть его уволят. Ему доверяют, и после инцидента с самолетом «У-2» он, чтобы обеспечить себе это доверие и вверь, показал своим потенциальным критикам списки русских объектов, которые можно было получить лишь с помощью воздушной съемки (ибо осуществлять шпионаж в России труднее, чем в любой другой стране мира). С прекращением полетов шпионская работа Даллеса станет еще более затруднительной, чем раньше.

ТРАГЕДИЯ ДЖАМИЛЫ БУПАША

В СЕНТЯБРЕ прошлого года кто-то подложил бомбу в столовую Алжирского университета. Бомба была совершенно обескуражена и безразлична. Пять месяцев спустя в дом семидесятилетнего Абделя Азиза Бупаша ворвалась не менее полустойка жагдармов и полицейских. Эту старика, его зятя и аска, двадцатидвулетнюю Джамилу, они увезли всех троих в Эль Бизар.

В марте 1960 года Джамилу обвинили в попытке взорвать университет. 17 июня должен начаться судебный процесс.

Обвинение против Джамилы Бупаша лишено каких бы то ни было оснований: ни одного свидетеля, ни одного доказательства, никаких улик. Все построено на «признаниях» заключенной. О том, как были получены эти «признания», рассказывает Симона де Бовуар на страницах газеты «Монд».

Проведя пять дней в Эль Бизаре, где ей сломали ребра, Джамила была переведена в Гуссейн-Дей. Здесь начались — самые страшные пытки. Восемь человек — в том числе три французских полицейских и арестованную кулакман, гасили о ее лицо сигаретную пудру, подвергали ее чудовищной пытке электричеством, укрепляли клейкой бумагой электроды на ее теле. Девушку привязывали к шести и многократно погружали в холодную ванну.

В жалобе, поданной из заключения, Джамила подробно рассказала, какими способами были получены эти «признания», от которых она решительно отказывается.

Тридцать три дня провела несчастная в камере пыток. Ее подвергли изощренной пытке, о которой даже невозможно рассказать в печати. «Это самое жуткое из страданий, пережитых мною», — пишет Джамила. — Я страшно кричала. Потеряла сознание, я не могла прийти в себя в течение, кажется, двух суток.

Зверским пыткам подверглись и отец Джамилы и его зять.

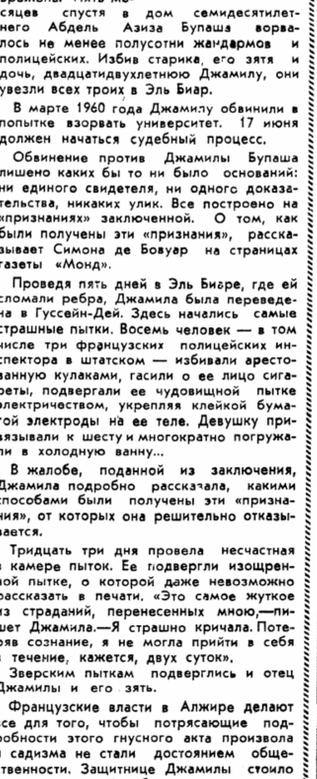
Французские власти в Алжире делают все для того, чтобы потратить подробности этого гнусного акта провозглашения и сядизма не стали достоянием общности. Защитнице Джамилы стоило огромных усилий добиться отсрочки процесса, первоначально назначенного на 18 мая. Наемные хулиганы терроризируют мать Джамилы, ломают двери и окна в ее доме. Свидетелям, названным Джамилой в ее жалобе и готовым дать показания в ее пользу, угрожает так называемое «исчезновение». Подобных precedентов было уже немало.

Фашистствующая французская администрация в Алжире снова демонстрирует свою «независимость» от правительства Франции. Когда во время пытки отец Джамилы в отчаянии крикнул своим мучителям: «Но ведь де Голль запретил пытки!», капитан, руководивший «допросом», ответил ему буквально следующее: «Пусть де Голль устанавливает законы у себя, а здесь — хозяева мы!»

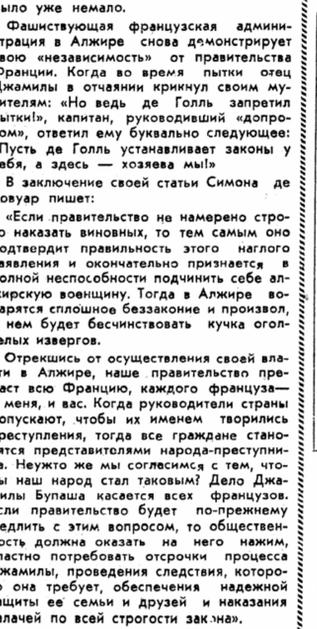
В заключение своей статьи Симона де Бовуар пишет: «Если правительство не намерено строго наказывать виновных, то тем самым оно подтвердит правильность этого наглого заявления и окончательно признается в полной неспособности подчинить себе алжирскую воюющую. Тогда в Алжире воцарится сплошное беззаконие и произвол, в нем будет бесчинствовать кучка оголтелых извергов».

Отрешись от осуществления своей власти в Алжире, наше правительство предстает всю Францию, каждого французского и меня, и вас. Когда руководители страны допустят, чтобы их именем творились преступления, тогда все граждане становятся предателями нации-предстутниками. Неужто же мы согласимся с тем, чтобы наш народ стал таковым? Дело Джамилы Бупаша касается всех французских. Если правительство будет по-прежнему медлить с этим вопросом, то общественность должна оказать на него нажим, властью потребовать отсрочки процесса Джамилы, проведения следствия, которого она требует, обеспечения надежной защиты ее семьи и друзей и наказания палачей по всей строгости закона».

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Две встречи. Как непохожи они! Москва встречает американского пианиста Вана Клиберна, чей талант покорил сердца советских людей. Радостные лица, улыбки, цветы, тысячи протянутых рук. Мы ущемим быть верными своим друзьям, тем, кто приходит к нам с открытым сердцем.

Шпион Пауэрс, летчик американского самолета «У-2», привожден и позорно столбу. Этот молодой американец опозорил себя, свою родину. Гнев, осуждение, презрение, горечь в глазах москвичей, рассматривающих фотографию Пауэрса на выставке в Парке культуры. Сосредоточены лица старого рабочего, студентов. Нет места лазутчикам на нашей земле!

Аллен Даллес. Профессия — шпион. Фото: Ю. Аитомирского

НЕХ ЖИЕ ПОЛЬСКА ЛЮДОВА!

Георгий ГУЛИА

НЕДАВНО я вернулся из Польши, куда ездил по приглашению еженедельника «Новая культура», главным редактором которого является видный ученый и общественный деятель Стефан Жулкевский. Первые же часы, проведенные в обществе редакторов еженедельника «Новая культура», показали, как много общего не только в устремлении двух народов-братьев — польского и советского, — строящих новое, счастливое общество, но и в культуре, литературе. Мы говорили о Варшаве, которая поднялась из руин, о героических боях за нее, в которых бок о бок дрались против общего противника советские и польские воины; мы вспоминали замечательную дружбу Мицкевича и Пушкина, обменялись мнениями относительно более тесного сотрудничества еженедельника «Новая культура» и «Литературной газеты». Я чувствовал себя так, словно был знаком с моими собеседниками целую вечность — много тепла и радушия!

В возрожденной Варшаве прежде всего поражает размах строительства: почти все здесь ново. Глубоко трогает любовно восстановленное Старе Мiesto — наиболее древняя часть прежней Варшавы. И когда, спустя неделю, я любовался видом древнего Кракова с высоты Вавеля, мне стало понятно, почему варшавяне так любят Старе Мiesto: оно еще ярче подчеркивает молодость столицы. Здесь, в Кракове, предло мне, словно живая, прошла история Польского государства, тысячелетие которого отмечается польским народом. В подземельях Вавельского кафедрального собора покоятся князь и король Польши, испытавший много невзгод и горя в прошлом. И совсем недалеко отсюда — могила великого Мицкевича, чей гений хорошо выразил дух славного польского народа...

Студенческие и ученические праздники во Вроцлаве и Кракове запомнились мне особенно. Особенно запомнились краковские «ювеналии», то есть молодежный праздник-маскарад наподобие средневековых «мажанд» (студенческих праздников). В течение трех дней узкие улицы Кракова и главная Рыночная площадь были во власти остроумно переведенных старшкласнистов и студентов. Веселье было поистине бурным. На третий день «мажанды» как бы сами собой вылились в праздник книги. Тысячи школь-

ников пролились по улицам, изображая тех или иных героев популярных книг...

С большим удовольствием перебираю я в своей памяти встречи с польскими писателями. Во Вроцлаве, например, мне довелось присутствовать на съезде писателей Вавельских земель Польши. В одном из залов дома, где происходил съезд, было подписано соглашение о культурном обмене между польскими писателями и писателями Германской Демократической Республики. Председатель Союза польских писателей Ярослав Ивашевич позначил меня с секретарем Союза писателей ГДР Альфредом Шульцем. За чашкой кофе мы обменялись литературными новостями, впечатлениями о съезде писателей, который шел к концу.

На встрече в Союзе писателей Польши присутствовали такие известные деятели литературы, как Ежи Пуграммент, Ежи Загурский, и другие. Главная тема разговора — литература, изобразительное искусство. Единственный вывод был таков: мы лучше должны знать друг друга, должны чаще встречаться друг с другом, за чашкой кофе, должны чаще обсуждать проблемы литературы, представляющие взаимный интерес, чаще обмениваться мнениями о новых книгах. Что такое дружба писателей, если они плохо знают творчество своих коллег? Надо больше переводить лучшее, что появляется в польской и советской литературах.

Подобные же вопросы поднимались и в беседе с видным польским прозаиком Ярославом Ивашевичем. Дружба польских и советских писателей взаимно обогащает их литературу. Личное знакомство литераторов будет содействовать дальнейшему сближению литератур. Побеседовав со своим другом-литератором, пожалуй, не менее важно, чем прочитать его книгу. Точнее, необходимо и то, и другое...

За время пребывания в Польше я познакомился с некоторыми новыми театральными постановками и кинофильмами. Огромное удовольствие доставило мне знакомство с талантливым актером Варшавского театра комедии Войцехом Секином. Ему тридцать два года. Он играет на сцене и снимается в кино. В обоих жанрах проявил себя великолепным актером. Публика любит

его. Особенно поражает Семина, когда читает произведения фольклора на сочном крестьянском языке или декламирует стихи Галчинского и Маяковского. Семина в совершенстве владеет тайнами декламации, покорила слушателей темпераментом и точными жестами и незабываемой мимикой. Я бы горячо рекомендовал организовать его концерты в Москве. Это было бы хорошим подарком любителям польского народного творчества и денламаторского искусства вообще.

И много ходил по Варшаве, по улице Маршалковской, Аллее Уязловской, Аллее Неролимовской и другим оживленным улицам. Был я и в Праге — правобережном предместье Варшавы. В южной части Праги вырос целый поселок с романтическим названием «Поселок бездомных влюбленных». Нескольким лет тому назад газета «Штандар Млодых» решила оказать молодежи содействие в строительстве квартир. Выдавались государственные кредиты, вносились собственные сбережения, молодые мужья отработывали на стройках определенное число часов. И в результате — поселок из четырех-пятиэтажных домов...

Редакторы еженедельника «Новая культура» Ришард Матушевский, Анджей Василевский, Леон Пшемский и другие рассказали много интересного

о жизни Варшавы, о дальнейших планах ее восстановления. Сейчас, по существу, остается застроить центр города — огромную свободную площадь вокруг Дворца культуры и науки.

Презжайте через пять лет — говорили мне, — и вы не узнаете Варшавы: она похорошеет, станет много краше.

Оптимизм присущ не только варшавянам. В Лодзи и Вроцлаве, Катовице и Кракове я слышал неизменное: — Скоро мы будем еще сильнее, красивее, богаче.

Польский народ строит свободную жизнь. Он достиг больших успехов. Нерушимые братские связи с Советским Союзом и всеми странами народной демократии высоко подняли международный авторитет Польши. Ее голос мощно звучит на всех международных форумах. С ней вынуждены считаться даже ее недоброжелатели...

Когда самолет взмыл в варшавское небо и под нами блеснула спокойная Висла, мне очень хотелось крикнуть на прощание моим польским друзьям, знакомство с которыми доставило мне так много радости:

— Нех жие Польша Людова! Пусть здравствует Народная Польша на счастье своему народу, на счастье своим друзьям!

Кончина американского журналиста М. Катца

В Советском Союзе скончался прогрессивный американский журналист Моисей Катц.

Находясь в Москве, вице-председатель Коммунистической партии США Элизабет Гэрли Флинн посвящает его памяти следующие строки:

«Мы глубоко опечалены известием о неожиданной смерти Моисея Катца. Поездка из Соединенных Штатов в Советский Союз оказалась для него слишком большим напряжением в его преклонном возрасте».

Моисей Катц был одним из ведущих сотрудников газеты «Морнинг фрейндс». Я знал этого образованного человека много лет как способного журналиста, известного знатока еврейского фольклора и активного борца за мир, за гражданские права и за мирное сосуществование всех народов. Американское движение сторонников мира понесло тяжелую утрату. Еврейский народ потерял достойного сына, весь американский народ — отважного бойца».

Моисей Катц был одним из ведущих сотрудников газеты «Морнинг фрейндс». Я знал этого образованного человека много лет как способного журналиста, известного знатока еврейского фольклора и активного борца за мир, за гражданские права и за мирное сосуществование всех народов. Американское движение сторонников мира понесло тяжелую утрату. Еврейский народ потерял достойного сына, весь американский народ — отважного бойца».

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.